

Сюэ Шо не знал, смеяться ему или плакать. Совершенно не брезгуя, он чмокнул Ци Жуйцю в перепачканное кровью лицо, но тут же испачкал губы в липкой пудре.

Он сплюнул пару раз и удивленно воскликнул:

— Что это у тебя на лице?!

Ци Жуйцю плутовато улыбнулся, и в его слабости проскользнуло неуловимое, таинственное выражение:

— Не скажу.

Сюэ Шо погладил его по голове — ладно уж, пушистому кролику тоже нужна личная жизнь. Он подождет, пока они вернутся, и тогда тот заговорит сам.

После этого Ци Жуйцю лег в больницу и провел несколько дней в самой лучшей палате.

Врачи осмотрели его, но, к полнейшему чуду, кроме ссадин на запястьях и легких синяков на задней части шеи, на нем не было ни единой царапины.

Это показалось Сюэ Шо крайне странным. Однако Ци Жуйцю упорно утверждал, что Сюэ Чжао собирался расправиться с ним только после прибытия Сюэ Шо, поэтому на его теле и не осталось ран. К тому же, по непонятным причинам Сюэ Чжао вдруг сошел с ума и принялся поливать его искусственной кровью и ледяной водой, из-за чего у Ци Жуйцю так сильно упала температура.

Сюэ Шо счел это объяснение вполне убедительным. В конце концов, Сюэ Чжао уже превратился в законченного безумца, а поступки сумасшедших не поддаются никакой логике.

Вилла Сюэ Чжао преподнесла множество шокирующих находок.

В нескольких сейфах хранились горы улик по делу об отмывании денег, затрагивавшие самых разных влиятельных лиц; помимо этого, там обнаружился отчет ДНК-экспертизы, неопровержимо доказывавший, что он вовсе не принадлежит к семье Сюэ, а также зацепки о местонахождении настоящего старшего молодого господина семьи Сюэ и многое другое. Нашли и два трупа. Самым жутким из них оказалось сильно разложившееся тело женщины, которое судмедэксперты опознали как популярную актрису Шан Жои — молодую госпожу из семьи торговца драгоценностями Шан.

Причиной ее смерти стала механическая асфиксия. Иными словами, ее задушили голыми руками. А убийцей был не кто иной, как ее любовник Сюэ Чжао.

Второй труп принадлежал мужчине, застреленному из-за финансовых разногласий.

Громкое убийство, тайны богатых семей и пикантные сплетни из мира шоу-бизнеса — все это смешалось воедино, приковав к себе всеобщее внимание. В один миг поднялась невероятная буря: новость прочно оккупировала вершины поисковых систем, заголовки светских и криминальных колонок в газетах разного масштаба, а на улицах и в переулках только и говорили, что об этом.

На фоне подобных новостей похищение некоего молодого человека оказалось незаслуженно

забытым. Сюэ Шо распорядился полностью стереть любое упоминание о присутствии Ци Жуйцю в этой истории, однако оставил без внимания обсуждения Сюэ Чжао и Шан Жои в массах и сети, пустив самые причудливые слухи на самотек.

В конце концов, то, что он не стер врагов в порошок, уже было проявлением его милосердия.

Когда пришло известие о смерти Шан Жои, Ци Юньсинь отдыхала в гримерке. Попивая чай для поддержания красоты и изображая на лице скорбь в знак памяти о коллеге по цеху, в глубине души она едва могла сдержать торжество.

Эта дрянь Шан Жои в этой жизни умудрилась умереть так рано, жаль только, что ей не довелось расправиться с ней собственными руками... Ци Юньсинь опустила ресницы, и ее мысли унеслись в другую сторону.

По сравнению с мертвецами существовало кое-что куда более важное.

А именно — Сюэ Шо.

Он почти никогда не заглядывал на съемочную площадку, а если и появлялся, то лишь отправлял помощников передать гостинцы со словами: Это воля господина Жуйцю.

В основном это были сладости, и по одному лишь вкую сразу становилось понятно, что их стряпал ее брат. Но от этого Ци Юньсинь лишь сильнее теряла аппетит. Однажды, сразу после ухода людей Сюэ Шо, она в ярости швырнула на пол термобокс с пирожными, и те так и разлетелись по полу вместе с еще не остывшим жаром.

Ци Юньсинь с горькой обидой думала о том, что брат должен хорошо к ней относиться по определению... но почему Сюэ Шо ни разу не приехал на съемочную площадку, чтобы навестить ее хоть раз?

Как он мог быть столь бессердечным, как он мог ее так игнорировать?

Неужели Сюэ Шо забыл, как сильно она, Ци Юньсинь, любит его?!

Нет... Она должна увидеть его лично и узнать, какая же тварь охмурила и увела ее любимого мужчину!

Отражение в зеркале источало скорбь и жалость, но в манящих глазах постепенно проступали безжалостность и жесткость.

Другим крайне озабоченным человеком был режиссер Гу Цинсун.

Съемки едва перевалили за середину, как исполнительница второй женской роли исчезла. Это, несомненно, доставило ему массу хлопот и головной боли, полностью разрушив рабочий процесс. Гу Цинсун не видел другого выхода, кроме как снять сцены с Ци Юньсинь, а линии второй актрисы отложить на неопределенный срок.

В день выписки Ци Жуйцю из больницы Сюэ Шо отвез его в родовой особняк семьи Сюе.

— Не бойся, — заметив легкое напряжение Ци Жуйцю, он мягко успокоил его, нежно поглаживая по спине.

Ци Жуйцю покачал головой:

— Я не боюсь... Просто мне кажется, будто все это — сон.

Подумав, что тот все еще не оправился от пережитого ужаса перед похищением, Сюэ Шо взял его за подбородок и поцеловал в губы.

Изначально он планировал лишь легкое успокаивающее прикосновение, но, словно зачарованный, уже не мог остановиться.

Сюэ Шо страстно целовал Ци Жуйцю, сплетаясь с ним языками, пока у того не покраснели щеки. Ци Жуйцю с застенчивым смущением попытался оттолкнуть его, но безуспешно. Руки Сюэ Шо сами собой крепко обняли его, заперев в надежных объятиях.

Лишь в этот момент Сюэ Шо заметил, что его собственные руки слегка дрожат.

Он так сильно боялся потерять того, кто был у него на руках. Больше никогда и ни за что не должно повториться ничего подобного.

Он даже представить себе не мог, как бы он жил дальше всю свою долгую жизнь, если бы лишился его.

Оказывается, я уже давно решил провести с ним всю оставшуюся жизнь, ус про себя Сюэ Шо, но ни о чем не жалел. Это было самым естественным и само собой разумеющимся шагом.

С того самого момента, как Ци Жуйцю спас его, их судьбы были навеки связаны воедино.

Старик Сюэ за короткое время пережил сильнейшее потрясение: внук, которого он растил тридцать лет, оказался не родным, а приبلудным ублюдком, да к тому же едва не убил его собственного внука, а где носит настоящего старшего внука, оставалось загадкой... Череда столь шокирующих новостей едва не подкосила старика.

К счастью, Старик Сюэ повидал на своем веку немало бурь, да и здоровье имел крепкое, так что обошлось без приступов.

Первое, что произнес Сюэ Шо, приведя Ци Жуйцю к деду:

— Дедушка, старший брат нашлся.

Вторыми его словами стали:

— Это Жуйцю, моя будущая жена, я женюсь на нем.

К полнейшему удивлению, Старик Сюэ лишь отругал внука, от души отлупив тростью, и приказал поскорее привести настоящего старшего брата домой, но препятствовать свадьбе не стал.

Сюэ Шо, получив желаемое, тут же нагло полез с расспросами:

— Дед, с чего это ты сегодня такой сговорчивый?

Старик взъерошил усы и грозно сверкнул глазами:

— Отрастил крылья, управы на тебя нет! Делай что хочешь, в делах вашей молодежи я больше

не указчик!

— И слава богу, что нашелся старший брат, кому род продолжить! Ладно, ступайте к старшему брату, налаживайте отношения, и проваливайте отсюда! — без церемоний выставив Сюэ Шо за дверь, старик неожиданно окликнул Ци Жуйцю.

Ци Жуйцю в страхе и трепете подошел к старику и тихо произнес:

— Дедушка.

Старик тяжело вздохнул и протянул ему коробочку из темно-синего бархата:

— Возьми. Старик ничего не смыслит в делах вашей молодежи, лишь бы вы жили в мире и безопасности... Приходите навещать старика, когда будет время.

Он видел, что этот юноша — человек добрый и мягкий, вовсе не склонный к хитростям и интригам. Из недостатков — разве что лицом не вышел, но раз Сюэ Шо нравится, он не станет возражать.

Как же прекрасна молодость. Откинувшись на спинку кресла, старик медленно погрузился в воспоминания о собственных юношеских годах.

Официально попрощавшись со Стариком Сюэ, Ци Жуйцю вышел из особняка.

Сюэ Шо с усмешкой поддразнил его:

— Дед наверняка что-то тебе подарил, покажи-ка? — с этими словами он легонько коснулся губами фарфорово-белой мочки уха Ци Жуйцю.

— Что ты делаешь... Здесь же люди, — смущенно и сердито отпрянул Ци Жуйцю, в то время как окружавшие их телохранители дружно отвернулись, делая вид, что их здесь вовсе не существует.

Внутри коробочки лежала пара мужских обручальных колец.

Сюэ Шо свистнул и тут же подхватил Ци Жуйцю на руки:

— Ну всё, злодей повержен, родители одобрили, едем жениться!

Чувствуя, как лицо заливают горячая волна и оно готово задымиться от стыда, Ци Жуйцю оттолкнул Сюэ Шо, наотрез отказываясь продолжать любые разговоры с этим бесстыдником.

Сюэ Шо ничуть не смутился — сейчас его голова была забита исключительно порочными мыслями.

Он и так терпел слишком долго. И как же лучше приготовить крольчатину?

Сварить или потушить в соевом соусе?..

Пожалуй, придется проконсультироваться с опытным человеком по имени Сюэ Чжэнь, — потирая подбородок, размышлял Сюэ Шо. Всё должно быть исполнено безупречно, чтобы этот трусишка остался доволен и даже полюбил это дело, дабы гарантировать качество их будущей интимной жизни.

По мере того как Сюэ Шо предавался этим фантазиям, во взгляде, устремленном на Ци Жуйцю, сами собой проступили хищные нотки, свойственные плотоядным зверям.

Ци Жуйцю ничего не понимал и ошеломленно хлопал глазами:

— Что с тобой?

Сюэ Шо глубоко вздохнул и отвернулся. Мда... как же сильно ему хотелось овладеть им прямо здесь и сейчас. Впрочем, крольчатины уже никуда не денется, а чтобы блюдо удалось на славу, его нужно хорошенько приготовить.

Заметив перемену в выражении его лица, Ци Жуйцю с тревожным сердцем поднял руку, намереваясь коснуться его лба, но Сюэ Шо перехватил его запястье и, прижав к губам, принялся медленно ласкать пальцы, а в его глазах пылало опасное вожеление.

Глядя на Ци Жуйцю, он медленно провел ярким языком по тонким губам, обнажая намек на белые острые клыки.

— Полагаю, настало время преподать тебе парочку уроков взрослой жизни, — со многозначительной улыбкой произнес Сюэ Шо.

У Ци Жуйцю по спине побежали мурашки — инстинкт подсказывал, что ничего хорошего это не сулит, и он решительно покачал головой:

— Я не хочу знать.

Сюэ Шо с искренним видом крепче сжал его руку:

— Ты правда не хочешь поучиться?

— Н-не хочу, — замотал головой Ци Жуйцю.

— А вот тут ты уже не отвертишься! — властно прижав Ци Жуйцю к земле, Сюэ Шо впился зубами в его нежную шею.

Ци Жуйцю предпринял последнюю отчаянную попытку сопротивления:

— Я... мне еще операцию не закончили... Сюэ Шо просиял: — Ничего страшного, сегодня мы выучим только вторую половину, а первую — в следующий раз.

В конце концов, кролик Ци Жуйцю сопротивлялся безуспешно, и Сюэ Шо, словно большой серый волк, утащил его из машины.

Всю дорогу все тихие вздохи и стоны были надежно скрыты за тяжелыми створками лифта.

Лю Лянь сжался калачиком на кровати, крепко зажмурил глаза.

Его тело было смертельно усталым, однако разум оставался кристально ясным, позволяя отчетливо воспринимать всё вокруг. Главный герой сидел рядом с ним и просматривал какие-то документы, а его широкая, теплая ладонь покоилась на растрепанных волосах, с невероятной нежностью поглаживая их.

Система вылезла из его груди и уселась на подушку.

С довольным видом она произнесла: — Дурианчик, ты наконец-то всё понял! Ну как, кайфанул?

Лю Лянь вяло отозвался: — Я ничего с ним не делал.

Система вытаращила свои глазки-бусины: — Ты-ты-ты... Вы что, обошлись без всяких там пикантностей?!

Она разочарованно всплеснула руками и плюхнулась прямо на лицо Лю Ляню: — Так что же произошло, пока я спала в режиме энергосбережения?!

Лю Лянь настроил ее так, чтобы в определенные интимные моменты она автоматически переходила в спящий режим и временно отключала мониторинг. Поэтому всего, что произошло после входа в лифт, система просто не знала. Она была уверена, что Лю Лянь предался с главным героем телесным утехам, и всецело это одобряла.

Однако хозяин огорошил ее новостью: ничего не было.

Система огорчилась, решив, что ее чувствами пренебрегли.

— ...Вот и всё, — коротко обрисовал события сегодняшнего дня Лю Лянь.

Уловив упадочническое настроение хозяина, система перевернулась, улеглась у него на макушке и протянула мягкие лапки, похожие на лапшу, чтобы погладить его по голове: — Почему?

Лю Лянь немного помолчал: — Не знаю. Мне претит это ощущение, когда всё вокруг находится под чужим контролем.

У него было предчувствие: если между ним и главным героем действительно что-то произойдет... то всё, во что он верил, в тот же миг обратится в прах.

Сколько бы он ни твердил себе снова и снова, что окружающий его мир — не более чем иллюзия, он не мог противостоять натиску этого мужчины.

Столкнувшись с его настойчивыми шагами, Лю Лянь оказался совершенно не в силах сопротивляться. Сладкая нежность, забота и всепоглощающая страсть того человека едва не утянули его на самое дно бездны.

В конце концов, он — главный герой, а сам Лю Лянь — всего лишь пушечное мясо. Какие у него вообще есть козыри, чтобы бороться с ним или отказывать ему?

Но Лю Лянь не собирался безропотно плыть по течению: в допустимых пределах он применил хитрость, чтобы избежать того, чему противилось его сердце. И пусть сегодня и завтра удастся уклониться, а что будет дальше?

Он так и не осмелился по-настоящему отдать свое сердце. Он до смерти боялся боли от обретения и последующей неизбежной утраты. Любовь, которую предлагал Сюэ Шо, была ему не по карману. А ту любовь, которой ждал Сюэ Шо, он тем более не мог дать.

— Если бы он не был набором данных, или если бы я не был актером на этой сцене... — тихо вздохнул Лю Лянь, тут же горько усмехнувшись про себя: — С чего это вдруг столько «если».

Любовь пушечного мяса была обречена на плохой конец с самого начала.

Система утешающе потерлась о Лю Ляня: — Не нужно так всё усложнять~

Она вдруг приняла серьезный вид: — Запомни: ты — это Ци Жуйцю, а Ци Жуйцю — это ты. Твоя любовь и ненависть — это его любовь и ненависть.

Закончив эту тираду, система добавила: — Не сомневайся, отправляйся познавать все радости половой жизни!

У-у-у, как же она, будучи системой, извела себя переживаниями! Ей приходилось беспокоиться и о психологическом состоянии хозяина, и о наличии у него интимной жизни — поистине передовик труда!

Она бросилась на Лю Ляня, растроганная собственными мыслями до слез. Эх, ничего не поделаешь, уж такова ее богатая на эмоции натура.

Тоскливая тяжесть на душе Лю Ляня вмиг рассеялась. Поразмыслив над словами системы, он понял, что та в общем-то права.

В этой жизни он — Ци Жуйцю, а значит, он ответит на чувства Сюэ Шо всей полнотой любви Ци Жуйцю.

Сколько бы мне ни было отведено в этом мире, я буду любить тебя всё это время.

Пусть даже это фальшивка... позволь мне владеть этим чуть дольше.

Мысленно прошептал Лю Лянь. Ему вдруг безумно захотелось обнять мужчину, сидевшего позади. На этот раз он не станет прятаться.

Он не знал, что стоило его настрою перемениться, как спрятанный в глубинах его души осколок Главного бога замерцал слабым светом, откликнувшись на фрагмент, находившийся внутри другого человека.

Сюэ Шо дочитал документы, небрежно отложил их в сторону и уже собирался прилечь, чтобы сладко уснуть в обнимку с Ци Жуйцю, как вдруг, опустив взгляд, заметил, что Ци Жуйцю почему-то проснулся.

Ци Жуйцю неторопливо приподнялся, протирая глаза, и молча смотрел на него добрые несколько минут.

— Что такое? — улыбнувшись, Сюэ Шо положил руку ему на голову.

— Обними меня, — Ци Жуйцю широко раскинул руки, и в свете теплых желтых ламп его черные глаза казались влажными.

Сюэ Шо обхватил его лицо ладонями и терпеливо спросил: — В чем дело? Почему тебе вдруг захотелось обнимашек?

Ци Жуйцю молчал, лишь глядя на него снизу вверх.

Смеясь и вздыхая одновременно, Сюэ Шо заключил Ци Жуйцю в объятия — со смесью беспомощности и нежности. Хрупкое тело в его руках покорно прижалось к нему, а в распахнутом вороте одежды то и дело мелькала обнаженная грудь, обдаваемая теплым

дыханием.

— Малыш, не бойся... Всё уже позади. Всё хорошо. — Этот бедняжка, должно быть, всё еще отходил от пережитого ужаса после похищения. Сюэ Шо терзался жгучей жалостью, поклявшись себе, что теперь будет беречь его пуце глаза.

Уютно устроившись в его надежных, теплых объятиях, Ци Жуйцю тронул губы легкой улыбкой.

Чтобы впредь не допустить повторения похищений, Сюэ Шо лично сопровождал Ци Жуйцю на последнюю операцию.

Он тревожился: стоило Ци Жуйцю исчезнуть из поля зрения, как его охватывала паника.

Ци Жуйцю легко похлопал его по тыльной стороне ладони: — Всё будет хорошо.

Сюэ Шо наклонился и чмокнул его в щеку: — Иди, мой хороший.

Уже заходя в операционную, он не преминул послать Ци Жуйцю воздушный поцелуй.

Лю Лянь повторил прошлый трюк, истратив последнее «замораживание времени». Прижав Таинственный кубик к лицу, он принялся выгонять остаточную ментальную энергию. Вопреки ожиданиям, эти остатки оказались на редкость упрямыми; нахмурившись, Лю Лянь влил собственную духовную силу, и лишь тогда сумел окончательно их рассеять.

После того как с его лица исчезло последнее темное пятнышко, во всем его облике произошла удивительная перемена.

Разум сделался чистым, как никогда прежде, словно его насквозь вымыли, а тело обрело невероятную легкость и гибкость. Лю Лянь попробовал пошевелить руками и ногами — конечности двигались свободно и послушно, и от прежней скованности не осталось и следа. Глубоко вздохнув, он подумал, что после полного исцеления здоровое тело и впрямь дороже любых сокровищ.

Система устроилась у него на плече и заплодировала: — Ах, мой Дурианчик просто красавчик! В сто раз красивее героини!

Лю Лянь подошел к зеркалу в полный рост и остановился. Это зеркало установила Кассандра, чтобы следить за результатами операции.

Сияющая гладь зеркала отразила стройную фигуру.

Он стоял перед зеркалом так непринужденно и естественно, словно выточенное из лунного света изящное создание. Его чистые черные глаза сияли, как звезды, и в них нельзя было прочесть ни единой эмоции. Изумительно очерченные, похожие на лепестки губы были слегка сжаты, так и маня кого-нибудь испить с них нектар.

Лю Лянь протянул руку к свету и растопырил пальцы. Безупречная лажа при свете лампы казалась белоснежной, как иней или снег, но вместе с тем излучала мягкий лоск теплого нефрита, заставляя затаить дыхание и пожелать сжать ее, пробуя на вкус губами и языком. Аккуратно подстриженные ногти отливали нежно-розовым, прозрачным и донельзя милым перламутром.

— Как хорошо, — прищурившись, тихонько усмехнулся он. Неудивительно, что героиня позеленела от зависти — при столь ослепительной оболочке найдется ли на свете тот, кто не прельстится ею?

Система прильнула к нему и предостерегла: — Дурианчик, мне кажется, героиня скоро заявится собственной персоной.

— Ее система способна лишь переделывать всё под себя «путем грабежа», а не создавать что-то из ничего. Ты только что рассеял созданные ею ментальные метки, так что теперь героиня неизбежно вернется в свой первоначальный вид.

Зажмурившись от страха, система засуетилась и принялась кататься по плечу Лю Ляня: — Она точно придет к тебе... Что делать, мне так боязно! — Из-за чересчур резких движений она кубарем свалилась вниз, но Лю Лянь ловко подхватил ее в полете.

Пренебрежительно бросил он: — Пусть приходит. И что с того, что она героиня? Я ее ни капли не боюсь. Я всё обдумал: я ведь тоже не мальчик для битья!

В его вечно расслабленных и потухших глазах вдруг вспыхнули искры.

Система обиженно потерла ручки: — Эм... я понимаю, что ты жутко горишь желанием перейти на темную сторону... но я не выведу драку с Системой №8.

Лю Лянь: — ...И на кой черт мне сдалась эта никчемная железяка?

И правда, от системы в критический момент ноль пользы.

Они принялись обсуждать, как именно предстоит отразить эту неизбежную жестокую битву. Посовещавшись, они решили рискнуть и пустить в ход осколок Главного бога, чтобы ударить исподтишка и усмирить Систему №8. Поначалу Лю Лянь думал попросту уничтожить ее раз и навсегда, чтобы не плодить проблемы в будущем, однако система выразила протест.

Опустив круглую голову, она пробормотала: — Давай... всё-таки не будем уничтожать всё дотла.

Лю Лянь ткнул ее пальцем в макушку: — Ладно. При условии, что та система проявит благоразумие.

Галстук обернулся вокруг глаз Сюэ Шо, погрузив его в абсолютную темноту.

Он терпеливо сидел на краю каменного бассейна в ожидании, пока нос щекотал сладковатый аромат зелени и трав.

Слегка прохладные, тонкие пальцы осторожно приблизились и мягко легли ему на лицо. Погладив его щеки какое-то время, они неторопливо развязали узел.

Сюэ Шо уже собрался открыть глаза, как та рука легла ему поверх век: — Отсчитай три секунды, и только потом можно смотреть. Три, два, один...

В чистом, звонком голосе отчетливо слышался смех.

На мгновение ему показалось, будто перед ним предстал сошедший с небес дух лунного света.

<http://bllate.org/book/21647/2233946>